

Норрингтон Роджер
(дирижер)

21.05.06

Газета - с. 25

ПЯТНИЦА, СУББОТА, ВОСКРЕСЕНЬЕ 19-21 МАЯ 2006

КУЛЬТУРА

СОБЫТИЯ / ФАКТЫ / МНЕНИЯ

25

Дирижер Роджер Норрингтон — «Газете»

«В эпоху автомобилей неплохо пересесть на лошадей»

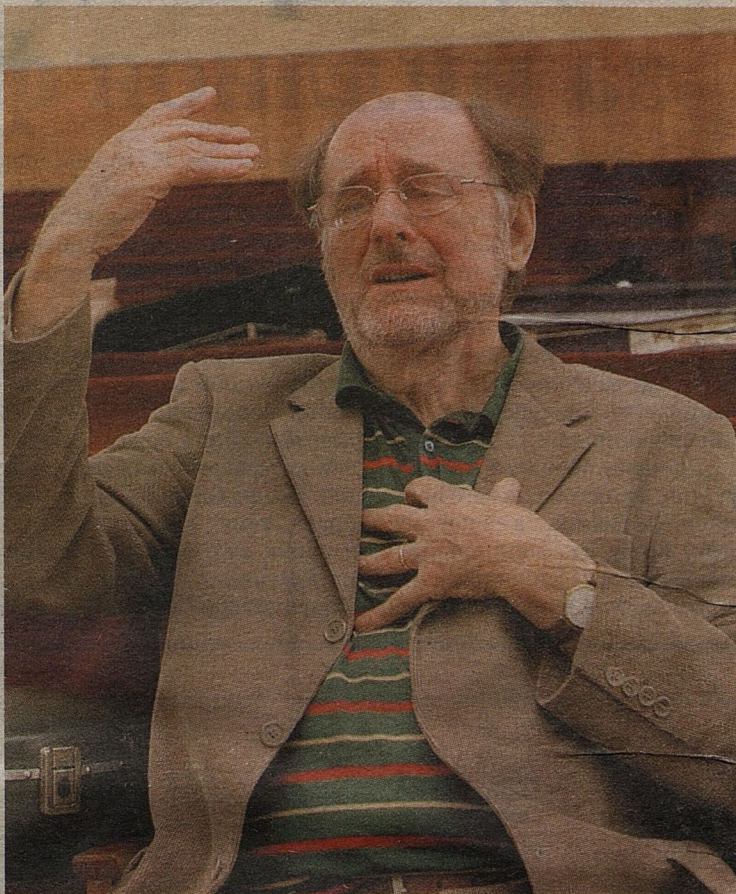
Сегодня в Большом зале Консерватории выступит прославленный британский дирижер Роджер Норрингтон. Под его управлением оркестр Musica Viva исполнит сочинения Моцарта, Шумана и Фолькмана. Накануне концерта с господином Норрингтоном побеседовал корреспондент «Газеты» Илья Овчинников.

Господин Норрингтон, вы участвуете во многих программах Зальцбургского фестиваля 2006. Как вы относитесь к идее, которая легла в его основу, представить 22 оперы Моцарта?

К счастью, на мою долю пришлось лишь одна, хотя меня просили сделать еще пару. Если спектакли окажутся хороши, то почему нет? Сам я летом предпочел бы отдыхать, но Зальцбург без меня редко обходится. Я не большой поклонник фестивалей такого размаха, они напоминают супермаркет. В Зальцбурге мне скорее по душе Неделя Моцарта — январе, Пасхальный фестиваль или же тот, который мы устраиваем вместе с Camerata Salzburg, — трехдневный цикл, посвященный целиком тому или иному композитору. Наш последний фестиваль был посвящен Генри Перселлу — в Австрии этого чудесного композитора знают плохо, да и в России тоже.

Кроме Camerata Salzburg вы руководите симфоническим оркестром Штутгартского радио...

Camerata — прекрасный камерный оркестр, один из лучших в мире, мы девять лет работаем вместе. До меня коллективом руководил Шандор Вег, прививший музыкантам замечательное чувство стиля. Необязательно играть на исторических инструментах, можно и без них стилистику Моцарта или Гайдна передать на все сто. Мы стараемся сыграть музыку так, как ее хотел бы слышать композитор, и тогда

Фотограф: Максим Конев / Газета

современные инструменты могут звучать, как старинные.

В Штутгарте у меня тоже замечательный оркестр. Позади уже семь лет совместной работы, впереди еще пять-шесть. Это уникальный симфонический оркестр — в мире только он один исполняет музыку XIX века без вибрато (прием исполнения на струнном инструменте: равномерное колебание пальца левой руки на прижатой им струне. — «Газета»). В австро-немецкой музыке вибрато прижилось поздно; если послушать ранние записи Венской филармонии, там вибрато возникает лишь к 1940-м годам. Ни Малер, ни Брукнер подобного не слышали. Тут повлияла война, после нее все вдруг стали играть с вибрато. Лет сто назад женщины прилюдно не курили и не красились, а мужчины не выходили на улицу без головного убора. Но через пару десятилетий это из-

менилось — так же и в музыке: оркестровый звук стал слишком сладким, «голливудским». Раньше ведь тоже играли с чувством, но не с фальшивой страстностью, напоминающей цыганскую манеру игры на скрипке.

Как вы преодолеваете это в работе с Венской филармонией?

Если мы исполняем Баха, оркестранты не используют вибрато. Но когда мы играем Моцарта, у них тут же возникает соблазн. И я предлагаю компромисс: сыграть без вибрато какую-нибудь одну часть сочинения. Это менее проблематично со многими другими оркестрами, будь то «Гевандхауз», Немецкий симфонический, Philharmonia, Concertgebouw и многие другие. Они готовы к эксперименту и в итоге слышат, что без вибрато можно сыграть на редкость красиво.

В Штутгарте у нас сейчас вышла Первая симфония Малера, на подходе еще три. Без вибрато они звучат как другая музыка, то же можно сказать и о нашей записи Чайковского. Скоро мы сделаем симфонию Брукнера и постараемся сыграть их так, чтобы музыка проникала прямо в сердце. Уверен, что в ближайшие десять лет найдутся люди, которые повторят наш путь; пока же кроме меня никто не интерпретирует позднеромантический репертуар подобным образом, даже Николаус Арнонкур. Еще вопрос, что подразумевать под романтикой: искренние, серьезные переживания или ужин при свечах.

Какое место в вашем репертуаре занимает музыка XX века?

Играю много Бартока — на прошлой неделе я дирижировал в Нью-Йорке его Дивертисментом. Не обоюсь без Шенберга, Стравинского, Бриттена, Воан-Уильямса, Уолтона, Мак-свелл-Дэвиса. С оркестром Штутгартского радио мы играем много премьер, а с Camerata Salzburg на фестивале впервые исполним Ariosi Манфреда Трояна для сопрано и бас-кларнета с оркестром. Мне приходилось дирижировать симфониями и концертами Рахманинова. С Прокофьевым имел дело, с Шостаковичем — гораздо меньше. У него есть много сочинений, которыми я хотел бы продирижировать... Наверное, без вибрато, как вы думаете? (Смеется.)

Следует ли отсчитывать вашу деятельность в сфере аутентичного исполнительства с 1962 года, когда вы основали Шютц-хор?

Не совсем; тогда я познакомился с чудесной, фантастической музыкой Шютца, и мне захотелось, чтобы она звучала! Мы с друзьями стали петь Шютца — все начиналось с любительского хора. Мы не собирались делать деньги, в этом ничего ау-

тентичного не было: хор был большой и пел вполне по-романтически. Как это надо исполнять, я понял через много лет, встретив людей, игравших на исторических инструментах. Это было все равно что отодвинуть занавеску, не позволяющую насладиться видом из окна. Позже мы задались вопросом: а что если сыграть подобным образом Гайдна? Или Бетховена?

Вашу запись бетховенских симфоний считают революционной. В то же время дирижер Геннадий Рождественский уподобил ее езде на каретах, нелепой в век автомобилей...

Эта запись вправду революционна. Наш подход нестандартен от начала до конца. Оркестр был меньше обычного, он играл на инструментах бетховенской эпохи и впервые в мире играл именно так, как это было написано Бетховеном. Зачем играть слишком быстро или слишком медленно, если там точно указан темп? Дирижеры превратили Бетховена в позднего романтика, но он композитор эпохи Гайдна, а не Вагнера. Что касается замечания Рождественского, то я не против езды в карете. (Смеется.) А Бетховен жил в эпоху карет, а не мобильных телефонов. Привет Геннадию! (Машет рукой.)

Как возникло ваше сотрудничество с Musica Viva?

Мне очень нравится этот оркестр, нас познакомил пианист Алексей Любимов. В 2002 году он посоветовал мне приехать и поработать с ними, а рекомендации Любимова мне было достаточно. Я рад, что в этой программе, как и в прошлой, Александр Рудин выступит солистом; мы сыграем малоизвестный виолончельный концерт Фолькмана. Оркестранты играют отлично, я бы назвал их идеалистами. Они как раз готовы к тому, чтобы в эпоху автомобилей пересесть на лошадей!